

Александр Шайдагович Кадырбаев¹
kadyr_50@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ В XX В.

Статья посвящена исследованию особенностей японского колониализма и его отличий от традиционного колониализма крупнейших государств Западной Европы, Соединённых Штатов Америки, а также Российской империи. Японская специфика заключалась в том, что данная страна была единственной колониальной империей среди стран Востока. Автор рассматривает особенности колониальной политики Японии, которая, несмотря на наличие ряда общих черт, в каждой отдельной стране имела свои отличительные признаки. Причины этого связаны, во-первых, со спецификой самих колоний (Кореи, Тайваня, стран Индокитая и Юго-Восточной Азии), во-вторых — со временем и обстоятельствами их включения в состав Японской колониальной империи.
Ключевые слова: Япония, колониализм, Корея, Тайвань, Мьянма, Индонезия, Филиппины, Индокитай, Камбоджа.

Alexander Sh. Kadyrbaev¹
kadyr_50@mail.ru

THE SPECIFICITY OF THE COLONIAL POLICY OF THE JAPANESE EMPIRE DURING 20th CENTURY

The article is devoted to the study of the characteristics of Japanese colonialism and its difference from the traditional colonialism of the largest states of Western Europe and the United States of America, as well as the Russian Empire. The specificity of Japanese colonialism was that the this country was the only colonial empire from the countries of the East. The author examines the features of Japan's colonial policy in its various colonies, since it was not the same everywhere, although there were common features characteristic of all countries that were part of the Japanese colonial empire. The reasons for this phenomenon were connected with specificity of different countries and different circumstances when these countries became colonies of Japan, which determined the specifics of its colonial policy in relation to each country. In relation to Korea there is one specificity, to Taiwan — another, to the countries of Indochina and Southeast Asia — a third.

Keywords: Japan, colonialism, Korea, Taiwan, Myanmar, Indonesia, Philippines, Indochina, Camboja.

Актуальность изучения проблем колониализма, казалось бы, ушедшего в прошлое, не ослабевает. Мы живём в эпоху, которую можно назвать постколониальной. Многие современные проблемы берут свои истоки в прошлом. Они либо оставались тогда нерешёнными, либо вызревали, чтобы разразиться кро-

вавыми конфликтами уже в наше время. Несмотря на то, что, по распространённому мнению, «история никогда никого ничему не учит», историки всё же обязаны выявлять уроки прошлого и преподавать их общественному мнению [2, с. 332].

Объективное изучение колониализма всегда было трудной задачей, поскольку

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

обязательно упиралось в те или иные политические интересы. Исследователи неизменно исходили из заранее заданной оценки колониальной политики — негативной или же позитивной. И в наши дни данная ситуация не изменилась.

Что касается японского колониализма, то ему присуща, как и любой метрополии, своя специфика, которая ярко проявлялась ещё и вследствие того, что Япония была единственной державой Востока в сонме колониальных государств. Если в случае с колониализмом стран Запада для его положительного обоснования указывалось на благотворное воздействие европейской цивилизации на афро-азиатские общества, то в отношении Японии ситуация была несколько иная. Японские правящие круги, превратившие в свои колонии отдельные страны и территории, пытались представить Японскую империю в глазах народов Азии как освободительницу от власти «белых» колонизаторов, что на какое-то время посеяло соответствующие иллюзии в сознании видных представителей национально-освободительных движений. Так, например, подобных взглядов не избежали Сунь Ятсен и Чан Кайши [5, с. 23—27]. Однако в Китае достаточно быстро осознали, что главная угроза его существованию исходит именно от японского колониализма, а не от колониальных империй Запада — уже во время Первой мировой войны [4, с. 86—99].

Хотя Япония как колониальная держава состоялась после революции Мэйдзи во второй половине XIX в., т.е. после проведения социально-экономических реформ по западному образцу, тем не менее политическое и экономическое устройство резко выделяло её среди других колониальных империй. Прежде всего, в Японии имела место предельно жёсткая централизация власти в форме абсолютной монархии с элементами восточной деспотии, в то время как метрополии других колониальных держав — Великобритании [1, с. 9—21], Германии, Нидерландов, Италии, Испании, Португалии — управлялись конституционными монархиями, а Франция и Северо-Американские Соединённые Штаты были республиками. При этом для всех названных стран были характерны буржуазно-демократические свободы

и ярко выраженные элементы правового государства с разделением властей — законодательной, судебной и исполнительной, — что нашло определённое отражение и в их политике внутри колоний. Из колониальных держав по сути и форме управления Япония была ближе к Российской империи, где также правил режим самодержавия в виде абсолютной монархии, хотя после реформ 1861 г. Россия шла по пути строительства правового государства [4, с. 88—99]. Поэтому вышеупомянутые обстоятельства обусловили более централизованное и жёсткое управление в колониях Японской империи по сравнению с колониальными державами Запада, хотя, конечно, не всё было так однозначно.

Поражение Японии во Второй мировой войне в 1945 г. означало и крах её колониальной империи, размеры которой хотя и значительно уступали ведущим колониальным державам мира, таким как Великобритания и Франция, тем не менее выглядели на карте мира впечатляюще. Частью Японской империи являлись целые страны, например официально аннексированная с 1910 г. Корея, число жителей которой насчитывало десятки миллионов человек; густонаселённые о. Тайвань и Ляодунский полуостров с г. Далянь и Порт-Артур, захваченные у Китая по итогам Японо-китайской войны 1894—1895 гг. и закреплённые за Японией после победы над Россией в 1905 г.; Южный Сахалин, отторгнутый у России после Русско-японской войны 1904—1905 гг.; Шаньдунский полуостров с г. Цзяочжоу и Циндао; Каролинские и Марианские о-ва в Тихом океане, которыми Япония овладела в результате нападения в 1914 г., воспользовавшись тем, что с началом Первой мировой войны Германская империя, чьей сферой влияния в Китае тогда был Шаньдун, а владениями — Каролинские и Марианские о-ва, не смогла отстоять эти территории, так как была окружена фронтами начавшейся войны и отрезана ими от своих колоний. Уже с 1931 г. Япония оккупировала Северо-Восточный Китай, или Маньчжурию, где создала марионеточное государство Маньчжоу-Го, а после нападения на Китай в 1937 г. японские войска захватили огромные территории Центрального

и Южного Китая; в 1940 г., воспользовавшись поражением Франции и оккупацией её Германией, японцы захватили французские колонии в Индокитае — Вьетнам, Камбоджу и Лаос; в ходе боевых действий 1941—1942 гг. ими были оккупированы страны Юго-Восточной Азии: Филиппины, Малайзия, Индонезия, Мьянма, Новая Гвинея, — при этом союзником Японии выступал Сиам (Таиланд); японские войска сокрушили оборону США на Филиппинах, принудили к капитуляции Сингапур — главный военный оплот Британской империи на Дальнем Востоке, вторглись в пределы Индии — «жемчужины британской короны». Японцы бомбили о. Цейлон, их авианосцы вошли в Индийский океан, десанты высадились на Австралийском континенте. Это было время кратковременного расцвета и наивысшего взлёта могущества Японской империи, частью которой, пусть и ненадолго, стали обширные регионы планеты. Конечно, владение Японией указанными выше территориями имело разную продолжительность: если в Корее, на Тайване, в Шаньдуне и Ляодуне японский колониальный режим существовал десятилетия (на Тайване даже столетия), то в Индокитае — Вьетнаме, Камбодже, Лаосе — около пяти лет, а в странах Юго-Восточной Азии — Филиппинах, Индонезии, Мьянме, Малайзии, Новой Гвинее — от года до двух лет, поскольку уже в 1942 г. в войне на Тихом океане наступает перелом не в пользу Японской империи и её войска вынуждены отступать из захваченных стран, так и не укрепившись на их территориях. Данные обстоятельства отразились на характере японского колониального управления: несмотря на наличие ряда общих черт, политика Японии всё же существенно варьировалась по отношению к разным странам и регионам, бывшим в её подчинении.

Наиболее жестокие формы колониального управления со стороны Японской империи выпали на долю населения Корейского полуострова: японские колонизаторы низвели корейцев до уровня второсортных жителей по сравнению с государствообразующей нацией — японцами, что проявилось в первую очередь в экономическом закабалении Кореи,

когда её экономика и природные ресурсы, а также трудовые резервы служили исключительно на пользу государственным имперским интересам Японии, при этом интересы корейского народа игнорировались. Кроме того, японское правительство проводило политику ассимиляции корейцев, везде в государственных и частных учреждениях насаждая японский язык и сводя к минимуму использование корейского языка не только в управленческой, экономической, но и в образовательной сфере жизнедеятельности на территории Кореи, прибегая и к мерам принудительного переселения корейцев с Корейского полуострова в другие регионы империи — на Сахалин, на Японские и Курильские о-ва, что вызывало эмиграцию из Кореи в другие соседние страны. Наличие многочисленных корейских общин в Китае, России, США в определённой степени является следствием такой политики Японской империи. Названные меры, однако, представляют собой лишь одну сторону медали, поскольку в то же время японские власти вкладывались в экономическое развитие Кореи, пусть и исходя из собственных государственных интересов. Тем не менее это объективно способствовало росту корейской экономики, хотя в целом данная колония оставалась сырьевым придатком метрополии [8, p. 12—15].

Вместе с тем японская имперская модель управления Тайванем отличалась от политики в Корее: остров получал японские государственные и частные инвестиции для развития экономики, не было такого жёсткого прессинга властей по отношению к китайскому населению, как это имело место на Корейском полуострове. Японский язык был преобладающим в государственных и частных учреждениях Тайваня, но он был привлекателен для изучения у местных жителей, являясь также и языком образования. Тем не менее, несмотря на определённые успехи японизации населения Тайваня, в целом оно смогло сохранить свою этнокультурную китайскую идентичность [3, с. 212—220]. Казалось бы, Корея и Тайвань были частью Японской империи на протяжении длительного периода, причём почти в одно и то же время, однако политика японских

властей на Тайване была более либеральной, чем в Корее, что, возможно, объясняется страхом Японии перед стремлением корейцев к восстановлению своей государственной независимости, которой они обладали до японской оккупации, в отличие от жителей Тайваня, где подобные настроения были на порядок слабее.

В годы Второй мировой войны идеологи правящего японского режима осуществляли захват стран Юго-Восточной Азии под лозунгом «освобождения» азиатских народов от угнетения «белыми» европейскими и американскими колонизаторами — англичанами в Малайзии и Мьянме, тогда называвшейся Бирмой, в Новой Гвинее, американцами на Филиппинах, голландцами в Индонезии. Следует отметить, что этот лозунг был положительно воспринят многими представителями национально-освободительного движения в данных колониях, в частности, в Индонезии, Мьянме и Малайзии. Национальные лидеры этих стран сотрудничали с японцами и даже создавали с их помощью вооружённые силы; так, уже после ухода японцев с оккупированных территорий и их поражения во Второй мировой войне к власти в своих странах пришли Ахмед Сукарно (Индонезия) и Аунг Сан (Мьянма), не допустившие восстановления господства прежних хозяев — европейских колонизаторов. Однако стоит отметить, что не во всех государствах Юго-Восточной Азии японцы получили такую же поддержку, как в Индонезии и Мьянме [7, р. 49—91]. Так, на Филиппинах против японских войск развернулось партизанское движение, такая же ситуация была и в Малайзии, с тем отличием, что её коренное население — малайцы — были лояльны японским властям, а участниками антияпонской борьбы выступали, как правило, этнические китайцы, заметная часть жителей этой страны. Возможно, настроения индонезийцев и мьянманцев могли бы измениться по отношению к Японии, если бы у неё было больше времени для колониального управления этими территориями. Однако в истории нет сослагательного наклонения.

Пропаганда «освобождения» от «белых» колонизаторов не оказала влияния на китайцев, в полной мере испытавших на себе

колониальную политику Японской империи, которая несла порабощение китайскому народу; события, связанные с преступлениями японских войск и властей на оккупированных территориях Китая, наглядно об этом свидетельствуют. Поэтому разгром Квантунской армии в Маньчжурии и освобождение Северо-Восточного Китая и Северной Кореи советскими войсками в основном воспринималось и китайским, и корейским народом как избавление от власти оккупантов. Из этого можно сделать вывод о крайне неоднозначном отношении к японской колониальной политике в разных странах. В то время как в Китае, Корее и отчасти на Филиппинах японцев воспринимали как захватчиков и колонизаторов, в Индонезии и Мьянме к ним относились куда менее категорично. Лидеры этих двух стран, образно говоря «нарисовавшие» свои государства на карте мира, — первый президент Индонезии Сукарно и глава Бирманского Союза (ныне Мьянмы) генерал Аунг Сан [7, р. 32—39] — сотрудничали с японскими властями и их колониальной администрацией, благодаря чему создали военную основу и политический капитал, позволившие им прийти к власти на волне национально-освободительного антиколониального движения уже после Второй мировой войны и поражения в ней Японии. Да и в Индокитае при японской оккупации не наблюдалось массового антияпонского сопротивления, из-за чего складывалось впечатление, что лидеры национально-освободительного движения здесь накапливали силы и развернули свою активность в полной мере, когда после японской капитуляции прежние французские колониальные хозяева попытались вернуть регион под своё управление. Успех многолетней борьбы вьетнамцев, лаосцев и камбоджийцев против колониальных устремлений Франции и США за своё национальное освобождение был обусловлен и тем обстоятельством, что японские власти не препятствовали в должной мере накоплению этих сил во время своего почти пятилетнего господства в Индокитае. Особенно нагляден пример Камбоджи: этой стране во главе с её королём Нородомом Сиануком 9 марта 1945 г. Японская империя предоставила независимость, сохранявшуюся

до сентября того же года. После возвращения французских хозяев Народом Сианук остался у власти, но страна утратила независимость и получила от Франции статус автономии в составе её владений. Однако в 1955 г. Камбоджа во главе с Народом Сиануком вновь стала независимым государством [6, p. 1—20].

Исходя из вышесказанного, представляется, что японские эксперименты в колониальной политике в первой половине XX в. носили неоднозначный и противоречивый характер в зависимости от времени, условий и особенностей каждой страны, в которой функционировала японская имперская администрация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Л.Б. Британская империя в XX веке. М.: ИВ РАН, 2010. 450 с.
2. Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. М.: ИВ РАН, 2018. 500 с.
3. Головачёв В.Ц. Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895—1945) // XXXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Учёные записки отдела Китая. М.: ИВ РАН, 2009. Вып. 1. С. 212—220.
4. Дерлугьян Г. Была ли Российская империя колониальной? // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 13.
5. Перминова В.А. Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае // Общество и государство в Китае. М., 2012. Т. 42. Ч. 3. С. 176—182.
6. Shiraishi S., Shiraishi T. The Japanese in Colonial Southeast Asia. An Overview. Ithaca, New York: Southeast Asia Program, Cornell University, 1993. Vol. 3. 172 p.
7. Smith M. Burma-Insurgency and the Politics of Ethnicity. London; New Jersey: Zed books, 1991. 385 p.
8. Todd H. Assimilating Seoul: Japanese Role and the Politics of Public Space in Colonial Korea, 1910—1945. Los-Angeles: University of California press, 2014. 290 p.

REFERENCES

1. Alaev L.B. *Britanskaya imperiya v XX veke* [Britain's Empire in 20th Century]. Moscow, IV RAN Publ., 2010, 450 p. (In Russ.)
2. Alaev L.B. *Problematika istorii Vostoka* [Problematik of History of the East]. Moscow, IV RAN Publ., 2018, 500 p. (In Russ.)
3. Golovachev V.Ts. *Obrazovanie kak faktor etnicheskoy politiki v period yaponskogo kolonial'nogo pravleniya na Tayvane (1895—1945)* [The Education as Faktor Etnical Policy in Period of Japanese Power in Taiwan (1895—1945)]. *XXXIX nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»*. *Uchenye zapiski otdela Kitaya* [XXXIX Scientific Conference "The Society and State in China". *Uchenye Zapiski Otdela Kitaya*]. Moscow, IV RAN Publ., 2009, iss. 1, pp. 212—220. (In Russ.)
4. Derlug'yan G. *Byla li Rossiyskaya imperiya kolonial'noy?* [Was the Russian Empire as Colonial Empire?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1991, no. 2, p. 13. (In Russ.)
5. Perminova V.A. *Ideya kolonializma i otsenka rezul'tatov inostrannogo prisutstviya v Kitae* [The Colonial Idea and Significance of Results of Foreign Presence in China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Moscow, 2012, vol. 42, part 3, pp. 176—182. (In Russ.)
6. Shiraishi S., Shiraishi T. *The Japanese in Colonial Southeast Asia. An Overview*. Ithaca, New York, Southeast Asia Program, Cornell University Publ., 1993, vol. 3, 172 p. (In Eng.)
7. Smith M. *Burma-Insurgency and the Politics of Ethnicity*. London, New Jersey, Zed books Publ., 1991, 385 p. (In Eng.)
8. Todd H. *Assimilating Seoul: Japanese Role and the Politics of Public Space in Colonial Korea, 1910—1945*. Los-Angeles, University of California press Publ., 2014, 290 p. (In Eng.)